

**Осуждение алчности как «бесовского наущения»
в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени***

Людмила Сукина

Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия

**The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation”
in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period**

Liudmila Sukina

Programme Systems Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Pereslavl-Zalesky, Russia

This article examines visual methods of condemning avarice, which makes a person who wants a luxurious life for themselves and their family easy prey to the devil. The study refers to a series of illustrations for the parable *About the Spendthrift*, which was part of the literary prefaces to the Russian *Synodics* of the seventeenth and eighteenth centuries whose task was to morally instruct the reader. While there is a noticeable increase in Russian and international researchers' interest in the Old Russian *Synodics*, the issue considered in the article has not been addressed in scholarly publications yet. This article aims to reconstruct the miniaturists' approach to illustrating a short text with a demonological plot, whose content should be interpreted and supplemented by a parallel visual story. The object of the study – book miniatures – predetermines interdisciplinary research and the use of philological and art criticism hermeneutical methods. The research refers to illustrations for the parable *About the Spendthrift* from the Synodics of the Trinity and St Daniel Monastery from 1672 and Solba St Nicholas Pustyn of the eighteenth century. They are vivid examples of two versions of the iconography of the illustrative series: one that gravitates towards the Russian mediaeval manuscript tradition

* Citation: Sukina, L. (2022). The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation” in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737.

Цитирование: Sukina L. The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation” in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737 / Сукина Л. Осуждение алчности как «бесовского наущения» в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737.

and one that reproduces the figurative structure and style of the engravings of the *Synodic* by Leonty Bunin, respectively. The results of the study are based on a comparison of the key episodes of the literary plot of the parable and the visual narrative of the same events. The author concludes that in the miniatures, the desire to “teach through pictures” is traced, and the expressiveness of methods of the homily is not inferior to the book text but surpasses it. Both versions of the iconography of the miniature series tell the same instructive story about sin and punishment. It differs from many other illuminated parables of *Synodics* as in it, an important infernal person is present, which introduces an unusual nuance into the narrative.

Keywords: Old Russian manuscript, book miniature, demonological plot, homily

Исследуются визуальные приемы осуждения алчности, сделавшей человека, желающего для себя и собственной семьи роскошной жизни, легкой добычей дьявола. Исследование выполнено на материале цикла иллюстраций к притче «О роскошнике», входившей в состав литературных предисловий к русским синодикам XVII–XVIII вв., задачей которых было нравственное наставление читателя. При заметном росте интереса отечественных и зарубежных исследователей к древнерусскому синодику поднятая в статье проблема пока еще не затрагивалась в научных публикациях. Цель работы – реконструкция подхода художников-миниатюристов к иллюстрированию краткого текста с демонологическим сюжетом, содержание которого должно быть истолковано и дополнено параллельным визуальным рассказом. Объект изучения – книжные миниатюры – предопределил междисциплинарность исследования и применение филологических и искусствоведческих герменевтических методов. Основными источниками исследования являются иллюстрации к притче «О роскошнике» из синодиков Троицкого Данилова монастыря 1672 г. и Сольбинской Николаевской пустыни XVIII в. Они представляют собой яркие образцы двух вариантов иконографии иллюстративного цикла, тяготеющего к русской средневековой рукописной традиции и воспроизводящего образный строй и стилистику гравюр синодика Леонтия Бунина. Основные результаты исследования основываются на сопоставлении ключевых эпизодов литературного сюжета притчи и визуального повествования о тех же событиях. Делается вывод, что в миниатюрах ярко прослеживается стремление «учить картинами», а выразительность приемов поучения не уступает книжному тексту, а превосходит его. Оба различающихся варианта иконографии цикла миниатюр рассказывают одну и ту же поучительную историю о грехе и наказании. Она отличается от многих других иллюминированных синодичных притч присутствием важного inferнального персонажа, вносящего в повествование необычный нюанс.

Ключевые слова: древнерусская рукописная книга, книжная миниатюра, демонологический сюжет, поучение

Многофункциональность синодика как специфического явления русской средневековой книжности отмечали все исследователи на протяжении уже довольно длительной истории изучения дошедших до нас сотен рукописных и печатных экземпляров его различных редакций (Ф. И. Буслаев, Е. В. Петухов, И. В. Дергачева, Л. Штайндорф и др.). В последние годы внимание ученых в основном разделилось между помянниками, представляющими интерес для специалистов в области генеалогии, ономастики, культуры памяти, и литературными предисловиями, интересующими филологов, историков культуры и искусствоведов (когда речь идет о лицевых памятниках). При этом благодаря усилиям представителей разных сфер гуманитарного знания была возобновлена прерванная в первые десятилетия XX в. практика издания древнерусских синодиков, сделаны ценные наблюдения и выводы об их содержании и функциях в церковной коммеморации и формировании религиозного мировоззрения и нравственности человека той эпохи. Но до сих пор остается еще немало вопросов, связанных с этими книжными памятниками и нуждающихся в исследовании.

Крупнейший специалист в изучении синодичных предисловий – литературных сборников И. В. Дергачева справедливо отмечает, что продолживший византийскую поминальную традицию синодик в русской средневековой культуре был основным источником, выражающим онтологическую доктрину Русской церкви по вопросам греха и посмертного воздаяния [Дергачева, с. 121]. Выделив редакции предисловий и исследовав их состав, она пришла к общему выводу, что составители синодиков, пользуясь различными источниками для подбора текстов, уделяли внимание нескольким избранным темам, преимущественно загробной участи человека, то есть «малой эсхатологии» [Там же, с. 133].

Литературные произведения или фрагменты приводятся в предисловиях синодиков в сокращенном и часто переработанном виде. Вся лишняя информация, отвлекающая от главных идей, изымается из текстов. Для усиления назидательного эффекта в XVII в. синодичные предисловия все чаще иллюминируются. Миниатюры в богато иллюстрированных рукописях не просто воспроизводят содержание текста, но превращаются в его визуальное толкование, дополняя отсутствующими в нем нюансами и деталями. Это становится особенно характерно для «поздних» рукописей последней трети XVII – XVIII в.

Данное историко-культурное исследование посвящено характерному и в то же время уникальному для синодичного предисловия сюжету притчи «О роскошнике», связанному с бесовским соблазном человека и нашедшему воплощение как в литературной форме, так и в одном из иллюстративных циклов. Объект изучения – миниатюры, сопровождающие текст, – предопределил использование междисциплинарного подхода и применение методов филологического и искусствоведческого анализа, истории книго-

писания для наиболее полной и разносторонней реконструкции приемов назидания, использованных в этом фрагменте литературной прамбулы лицевого синодика.

В качестве первопричин запуска нравственно-учительной схемы «грех – наказание – покаяние – спасение» в сюжетах синодичных предисловий обычно указывались вполне реальные психологические и нравственные изъяны их основных персонажей: жадность, гордыня, зависть, злоба и т. п. Рано или поздно любой грешник оказывался в ином мире и там сталкивался с адскими муками, в текстах синодиков, как правило, подробно не описываемыми. На миниатюрах лицевых рукописей этот этап загробной судьбы грешного человека обозначался чисто символически в виде рисунка темной пещерки, наполненной существами, маркированными традиционными для средневекового искусства признаками их принадлежности к силам зла¹. «Нечистых духов», забирающих тело усопшего грешника, изображали и на миниатюрах, иллюстрирующих назидание о судьбе праведной и грешной души. Но во всех этих случаях дьявол и бесы – не соучастники греха, а лишь исполнители посмертной кары. Фрагмент «О роскошнике» в этом смысле представляет исключение. В нем дьявол («ангел сатанин») выступает активно действующим персонажем, с которым связаны важнейшие эпизоды повествования, рассказывающие о грешных помыслах и поступках, ведущих душу к гибели.

В поздних синодиках литературная программа становится более разнообразной. К фрагментам Священного Писания, Палеи, прологов, отеческих слов, житийных рассказов патериков, апокрифических видений, оригинальной древнерусской «Повести о посаднике Шиле» и переводной «Истории о Варлааме и Иоасафе» добавляются отрывки из ставших популярными сборников «литовского» происхождения – «Великого Зеркала», «Звезды пресветлой», «Неба Нового». Еще Ф. И. Буслаев отмечал, что в состав появившегося в конце XVII в. печатного (точнее сказать, целногравированного. – Л. С.) синодика, состоявшего из листов с изображениями и очень коротких текстов, выполнявших функцию подписей к иллюстрациям, входили пришедшие из восточноевропейских назидательных изданий истории с занимательными сюжетами [Буслаев, с. 244]. Интересующий нас фрагмент «О роскошнике» хотя и включен во многих рукописях именно в этот литературный контекст, не принадлежит к числу таких новых дополнений к предисловиям сначала рукописных, а потом и гравированных синодиков. Его точное происхождение не установлено, но он встречается в синодичных предисловиях с конца XVI в., а также в нравоучительном сборнике XVII в. «Лекарство душевное». С последней трети XVII столетия он часто входит в репертуар лицевых синодиков.

¹ Подробнее об этих маркерах см.: [Антонов, Майзульс].

Для того чтобы перейти к анализу иллюстраций к этому тексту, необходимо разобраться с его жанровой принадлежностью². Ф. И. Буслаев определял синодичные рассказы «О грешной матери», «О роскошнике», «О пленнике в Персиде», «О разбойнике Домицеле» как повести [Буслаев, с. 244]. За ним до сих пор следуют многие исследователи. Однако современная филологическая наука относится к жанровой дифференциации древнерусской литературы более строго и последовательно. Рассматриваемый нами фрагмент синодичного предисловия наиболее близок к древнерусской притче, согласно дефинициям этого малого жанра, предложенным Д. С. Лихачевым [Лихачев, с. 45] и Н. И. Прокофьевым [Прокофьев, с. 6]. Повествование в нем носит обобщенный характер, не локализовано географически и хронологически, образы персонажей обезличены. При этом его форма и содержание соответствуют цели морально-религиозного назидания. Как отмечал Н. И. Прокофьев: «Действие притчи логически и конструктивно направлено на то, чтобы создать концентрированную иллюстративность для выражения нравственной идеи» [Там же].

Для любой нравственно-учительной притчи главное – сюжет, дающий наглядный пример праведного или грешного поступка. Из включенного в притчу морализаторского наставления ясно, что она написана в назидание «человекам, роскошно живущим, а о себе и о душах своих не радеющим». Некий человек, живший неправедной жизнью, скопил за счет грабежа и насилия большие богатства. Не поделившись ими ни с церковью, ни с нищими и бедняками, умирая, он оставил все близкому другу, такому же человеку, каким был и он сам. Друга, который должен был обеспечить за счет наследства поминание души умершего, одолели сомнения, стоит ли расставаться с такими богатствами. Этими нравственными колебаниями воспользовался дьявол, чтобы распалить алчность душеприказчика и убедить его присвоить имение покойного. Став еще богаче, чем прежде, друг умершего, «худоумный человек» (как он назван в притче), проводил время в пирах и прожил в «роскошестве» многие годы, а когда умер, жена и дети поступили так же, как он, отказавшись отдать хотя бы часть наследства на помин души главы семейства. Жена второй раз вышла замуж и вместе с новым супругом в пирах и праздности промотала доставшееся ей богатство. Дети «роскошника» после смерти матери и отчима жили в нищете и занимались тяжелой работой.

Текст синодичной притчи «О роскошнике» небольшой по объему, но насыщен многими разнообразными событиями. В лицевых синодиках он разбит на еще более мелкие фрагменты, которые выступают в виде кратких или развернутых подписей к миниатюрам. Выделяются два иконографических варианта иллюстративного цикла. Один из них часто встречается в богато иллюстрированных синодиках последней

² Благодарю коллегу Е. С. Шадрину, которая обратила мое внимание на эту проблему.

трети XVII – XVIII в., выполненных в сложившейся в последнее столетие русского Средневековья традиции иллюминирования рукописей эсхатологического и нравственно-учительного содержания, близкой к иконописи и фресковой росписи того времени. Второй – очень редкий, известный в настоящее время лишь по трем рукописям, отчасти или полностью сориентированным на цельногравированные синодики Леонтия Бунина. Его миниатюры повторяют иконографию разных изданий Синодика Бунина. В целом же в обеих иконографических редакциях проиллюстрированы все важнейшие для сюжета притчи эпизоды (обычно этот цикл состоит из пяти-семи миниатюр).

Особенности художественных приемов, подчеркивающих назидательное содержание изображаемого, мы рассмотрим на примерах двух рукописей синодика, отличающихся высоким качеством миниатюр, которые принадлежат к первой и второй иконографическим редакциям соответственно. Это Синодик переславского Троицкого Данилова монастыря 1672 г. [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4288] и Синодик Сольбинской Николаевской пустыни второй половины XVIII в. [Там же. Инв. 4309]. Первая рукопись является вкладом в монастырь архимандрита Гурия Ярославца и посадского человека, переславца Федота Мартьянова, сына Шамаханского. Ее лицевая часть, вероятно, выполнена на заказ в Ярославле, так как украшающие ее миниатюры и элементы декора страниц стилистически близки к другим произведениям ярославских книгописцев и художников-миниатюристов этого времени. Близким аналогом второй рукописи стилистически является только еще один синодик XVIII в., происходящий из того же Сольбинского монастыря [Там же. Инв. 4310].

Персонажи притчи и миниатюр, ее иллюстрирующих, мужчины и женщины, богатые люди. Источник этого богатства, в числе прочих других, имение умершего друга-«роскошника», добытое неправедным путем. Это обстоятельство, а также отсутствие точных указаний умершего о том, как следует поступить с наследством, и вызывают у душеприказчика опасные размышления: «Да он, другъ мой, сам не разъдаде имѣнїя при животѣ своемъ, а я не даю того ради: не вѣмъ, откуда что взято, от правды ли от неправды? И азъ о семъ не вѣмъ, како или что кому раздати, не извѣстїхся никакоже [Там же. Инв. 4309. Л. 14 об.]. О размере богатства умершего в притче ничего не сказано. Однако миниатюристы, иллюстрировавшие эту сцену, акцентируют внимание на обилии в его составе золотых монет, как бы указывая на дополнительную мотивацию проявления алчности. В обеих иконографических редакциях на миниатюрах друг покойного изображен сидящим за столом, уставленным мешочками с золотом (то, что это именно золото, подчеркнуто цветом). Вокруг него – множество кованых сундуков, набитых такими же мешочками и/или монетами. Душеприказчик прикасается к деньгам на столе, перед ним лежит открытая тетрадь с финансовыми записями, с которыми он сверяет наличие богатств. Но из изображения пока еще нельзя

сделать никаких выводов о греховности происходящего. Мы видим, в общем-то, бытовую сцену, которую легко представить в лавке купца или в доме богатого и рачительного хозяина, который занимается инвентаризацией своих финансов.

Возможно, грех бы и не совершился, если бы в дело не вмешался дьявол в ангельском облики и не распалил алчность душеприказчика: «и в то время припаде к нему аггелъ сатанинъ, еже есть корень сребролюбия, поучая его на сие богомерзкое дѣло...» [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4309. Л. 15 об.]. Он внушил корыстолюбцу уверенность, что наследство – это награда от Бога за добрые дела. Не будет грехом оставить его себе на собственное пропитание и воспитание чад, которые и раздадут это имущество уже после смерти отца. На миниатюрах в этой сцене совмещены планы «видимого» и «невидимого», реальность и иллюзия. Душеприказчик пребывает в своих покоях возле стола с деньгами и сундука с каким-то имуществом. Но за спинкой его кресла стоит существо иного мира. Оно крылато, как ангел, но темный цвет тела, лик, похожий на звериную морду, хохол и рога на голове недвусмысленно маркируют его дьявольскую сущность. Справа изображены жена (в синодике 1672 г.) или жена и дети душеприказчика (в синодике второй половины XVIII в.), хотя в тексте притчи их нет, о них только упоминает «ангел сатанин», то есть это дьявольская иллюзия или «наваждение», важность которого показывают художники, рисуя сцену впадения в грех. Они подчеркивают, что именно этот аргумент (возможность потратить богатство умершего друга не только на себя, но и на семью, в первую очередь на детей) оказал решающее влияние на душеприказчика (ил. 1 на цв. вклейке).

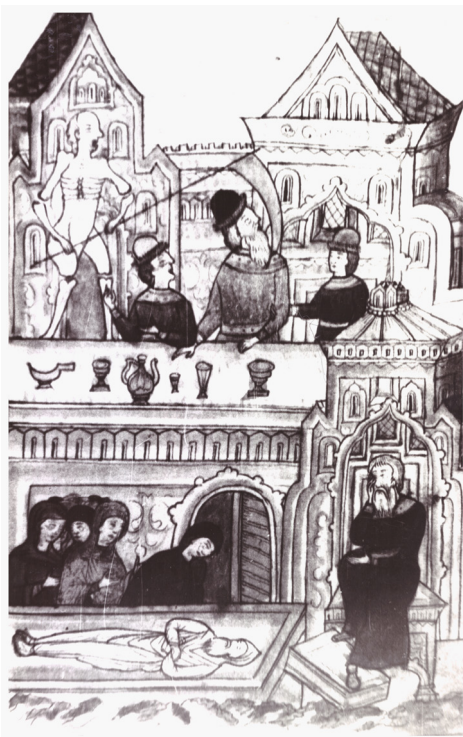
Следующий эпизод представляет собой сцену, концентрирующую в себе визуальные представления о греховной жизни человека, поддавшегося дьявольскому соблазнению: «И он, худоумный человекъ, примѣ в сердце своемъ бѣсовскую прелесть, порадовався оному имѣнью друга своего, и нача владѣти, и со други своими нача в безвременномъ ядении и питии пребывати и веселитися по вся дни с гуслими и свирѣлими...» [Там же. Л. 16 об.]. В изображении этой сцены первый и второй варианты иконографии расходятся довольно серьезно.

На миниатюре синодика 1672 г. она дана лапидарно, но при этом назидательный оттенок повествования усилен за счет объединения в одной композиции двух эпизодов – описанного выше и связанного с морализирующей вставкой-рассуждением о судьбе роскошно живущего человека, не радеющего о судьбе собственной души. Композиция миниатюры разделена на две части. В верхней представлен пир в доме душеприказчика. Он с друзьями пирует за столом, уставленным посудой. Пирующие лишь в последний момент замечают подкравшуюся к хозяину застолья смерть, которая имеет вид скелетоподобного антропоморфного существа с большой косою в руках. В нижней

половине листа изображена сцена прощания группы женщин с умершим человеком. Справа внутри некоего здания на престоле восседает, горестно подперев лицо рукой, мужчина. Кто он – не совсем понятно. То ли это упоминаемый в иллюстрируемом отрывке «немилостивый, неподатливый» богач-грабитель, душеприказчик, оплакивающий усопшего друга, то ли автор морализаторского суждения о необходимости вовремя позаботиться о собственной судьбе, не увлекаясь мирскими соблазнами (ил. 1).

На иллюстрации к синодику XVIII в. внимание сосредоточено на осуждении «безвременного» празднования (изображению прощания с умершим «роскошником» и его погребения отведена другая, отдельная миниатюра). Действие происходит в пиршественных покоех. За большим столом сидят хозяин пирса с мешочками денег в обеих руках и двое мужчин с кубками вина. Слева у стола – мальчик-слуга, разливающий вино из кувшина. Позади него – мужчина со струнным инструментом в руках. Справа из задрапированной ложи за происходящим наблюдает женщина. В верхней части миниатюры изображен балкон с квартетом музыкантов, играющих на духовых инструментах. Музыкальное веселье само по себе считалось делом греховным и не только осуждалось, но и преследовалось в России второй половины XVII в. [Сукина, с. 272–280]. В мирской культуре XVIII столетия отношение к музыкальному сопровождению празднеств изменилось, но в нравственно-учительной книжности, связанной с церковью, все осталось по-прежнему (ил. 2 на цв. вклейке).

После смерти «роскошника» события в притче повторяются, но с другими действующими лицами. Его вдова и дети устраивают между собой «неблаг совет», на котором вновь решают не тратить наследство на церкви и нищих, несмотря на четкое распоряжение умершего на этот счет. Аргументом вновь выступает желание обеспечить

1. Пир в доме роскошника. Похороны.
Миниатюра Синодика Троицкого Данилова
монастыря. Л. 8 об.

A feast in a spendthrift's house. A Funeral.
Miniature of the Synodic of the Trinity
and St Daniel Monastery. P. 8 (reverse side)

себе безбедную жизнь, и на миниатюрах художниками использована композиция, очень похожая на первую иллюстрацию цикла. Только теперь над сундуками с золотом и другим имением решают судьбу богатства иные персонажи. «Ангел сатанин» здесь не появляется, но он больше и не нужен, так как наследники несправедливого богача унаследовали от него и «бесовскую прелесть», они уже заражены алчностью и обречены повторить его дела и судьбу.

Следующая миниатюра в обеих редакциях цикла тоже повторяет композицию пира. Но она более скромна, так как все уже показано в предыдущих аналогичных изображениях. В верхней части семья и ее друзья пьют и едят за большим столом. Назидательная тема вторгается в изображение в виде помещенной в нижней его части темной пещерки, символизирующей адскую бездну, с четырьмя бледными обнаженными фигурами матери семейства, ее нового мужа и двоих их сотрапезников, которые «тако нерадиво живущее, вси изомроша безъвременно и во адъ мучимы суть» [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4309. Л. 19 об.].

Заканчивается цикл в обоих вариантах изображением тяжелой нищенской жизни детей «нерадивой матери», которые еще на этом свете вынуждены расплачиваться за ее грехи и свое в них участие. Дьявольское темное дело на этом завершено. Судьба душ младшего поколения семьи «роскошника» зависит от их раскаяния, желания и способности заслужить прощение. В последней миниатюре цикла мы видим сложную многоплановую композицию, ведь в иллюстрирующем ее коротком тексте много действия. Художникам нужно показать, как дети скитаются по улицам, прося милостыню и тяжело работая, «дрова сѣкуще и камение носяще». Эта композиция вся полна назидания и при этом является самой оптимистичной во всем цикле, так как выступает в роли его «коды», открывая путь к освобождению от дьявольских чар, связанных с неумеренной жадностью богатства, праздной и роскошной жизни.

В тексте притчи слова «роскошество», «роскошно» упоминаются с оттенком осуждения, выступая одним из маркеров греха. Понятие «роскошь», от которого они произошли, согласно наблюдениям болгарского лингвиста П. Филковой (чье исследование отчасти восполняет лакуны известных словарей древнерусского языка), означало богатство, великолепие, изобилие, наслаждение, излишество [Филкова, с. 159]. В притче «О роскошнике» все эти оттенки смысла соответствуют сюжету и передают суть происходящего. Ведь именно желание обеспечить себе «роскошную» жизнь сделало ее героев легкой добычей дьявола, заставило поверить в его наушения и обещания.

На миниатюрах первого иконографического варианта роскошь обозначена почти символически. За создание «роскошного» антуража сюжетных сцен отвечают традиционные для иконописи и книжной миниатюры XVII в. «палатки», условные архитектурные формы которых отсылают к образам русской архитектуры этого времени.

Предметы интерьера и обихода также воспроизводят формы, знакомые по изображениям предыдущих эпох. Роскошь для составителей и читателей притчи в таких синодиках выглядит так, как ее себе представляли еще иллюстраторы Радзивиловской летописи, Лицевого летописного свода и других иллюминированных рукописей прежних времен. Однако на людей допетровского времени, большинство из которых продолжало жить в традиционном, мало меняющемся мире, такая визуализация греховных «роскошеств», очевидно, все еще производила серьезный назидательный эффект.

Другой образ «роскоши» создан в миниатюрах XVIII в., воспроизводивших гравюры Синодика Леонтия Бунина. К сожалению, до сих пор не удается установить образцы самих этих гравюр, но интерес к европейским гравированным изображениям с середины XVII в. вырос неимоверно. В Россию привозили много книг и отдельных листов европейской печати, которые охотно использовались местными художниками и граверами [Хромов, с. 90–92]. Их произведения транслировали иные, иноземные представления о явлениях, знакомых русским читателям по популярным на родине текстам. На миниатюрах синодика Сольбинской пустыни действие происходит в европейских палатах с античными (или скорее ренессансными) колоннами и арками. Посуда, музыкальные инструменты и некоторые другие детали и мелочи тоже попали на них из другого мира, с которым русские «роскошники» еще только познакомились. Мы не можем этого утверждать наверняка, но, возможно, такой прием был призван усилить впечатление греховности, чуждости происходящего, дьявольского искушения.

Стремление «учить картинами» ярко прослеживается в миниатюрах русских лицевых синодиков XVII–XVIII вв., и одним из интереснейших примеров такого учительства, как мы установили, является цикл иллюстраций к притче «О роскошнике», входившей в традиционный репертуар синодичных литературных предисловий. Доходчивость и убедительность языка миниатюр не уступают литературному повествованию, а превосходят его. Изображения на миниатюрах не просто следовали за текстом, а дополняли и комментировали его, используя визуальные риторические приемы разоблачения зла и поясняя пагубность следования ему. Условием для осуществления дьявольского замысла соблазнения человека на греховные поступки выступает осуждаемая художниками-миниатюристами алчность персонажей притчи. В свою очередь, ее причиной выступает желание «роскошной» жизни, признаки которой характеризуются с помощью изображения соответствующего антуража, в том числе архитектурных интерьеров, предметов быта, музыкальных инструментов. Два различающихся варианта иконографии цикла миниатюр к притче «О роскошнике», несмотря на композиционные и изобразительные нюансы, в итоге рассказывают одну и ту же поучительную историю о грехе и наказании. Она отличается от многих других иллюминированных синодичных притч присутствием в литературном и визуаль-

ном сюжете важного inferнального персонажа – «ангела сатанина», вносящего в повествование необычный нюанс.

Список литературы

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии : Семиотика образа. М. : Индрик, 2011. 376 с.

Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии // Буслаев Ф. И. О литературе : Исследования. Статьи / сост. Э. Л. Афанасьев. М. : Худ. лит., 1990. С. 164–261.

Дергачева И. В. Тематика посмертного спасения и наказания в памятниках древнерусской танатологии // Воропаев В. А., Дергачева И. В., Конявская Е. Л., Мильков В. В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М. : Индрик, 2021. С. 109–162.

Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы : VI междунар. съезд славистов (Прага, август 1968) : доклады советской делегации / ред. Д. Ф. Марков, А. Н. Робинсон. М. : Наука, 1968. С. 5–48.

Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4288, 4309, 4310.

Прокофьев Н. И. Прелесть простоты и вымысла // Древнерусская притча / сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алехина. М. : Сов. Россия, 1991. С. 5–18.

Сукина Л. Б. Поздняя осень русского Средневековья : Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2021. 359 с.

Филкова П. Структурно-семантический тип слов с префиксом роз-/рос- в истории русского литературного языка // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридский». Факультет славянской филологии. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридский», 2006. Т. 91. С. 147–178.

Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М. : Памятники ист. мысли, 1998. 219 с.

References

Antonov, D. I., Maizul's, M. R. (2011). *Demony i greshniki v drevnerusskoi ikonografii. Semiotika obraza* [Demons and Sinners in Old Russian Iconography. Semiotics of the Image]. Moscow, Indrik. 376 p.

Buslaev, F. I. (1990). *Povest' o Gore i Zlochastii* [A Story of Grief and Misfortune]. In Buslaev F. I. *O literature. Issledovaniya. Stat'i* / ed. by E. L. Afanas'ev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 164–261.

Dergacheva, I. V. (2021). *Tematika posmertnogo spaseniya i nakazaniya v pamyatnikakh drevnerusskoi tanatologii* [The Theme of Posthumous Salvation and Punishment in the Works of Old Russian Thanatology]. In Voropaev, V. A., Dergacheva, I. V., Konyavskaya, E. L., Mil'kov, V. V. *Tanatologicheskaya tema v russkoi slovesnosti XI–XXI vv.* Moscow, Indrik, pp. 109–162.

Filkova, P. (2006). *Strukturno-semanticheskii tip slov s previksom roz-/ros- v istorii russkogo literaturnogo ezika* [Structural and Semantic Type of Words with Prefix roz-/ros- in the History of the Russian Literary Language]. In *Godishnik na Sofiiskiya universitet "Sv. Kliment Okhridskii". Fakul'tet slavyanskoi filologii.* Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridskii". Vol. 91, pp. 147–178.

Khromov, O. R. (1998). *Russkaya lubochnaya kniga XVII–XIX vekov* [The Russian Lubok Book of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 219 p.

Likhachev, D. S. (1968). *Drevneslavyanские литературы как система* [Old Slavic Literatures as a System]. In Markov, D. F., Robinson, A. N. (Eds.). *Slavyanskіe literatury. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady sovetskoj delegatsii.* Moscow, Nauka, pp. 5–48.

Pereslavl'-Zalesskii muzei-zapovednik [Pereslavl'-Zalessky Museum-Reserve]. Inv. 4288, 4309, 4310.

Prokof'ev, N. I. (1991). Prelest' prostoty i vymysla [The Charm of Simplicity and Fantasy]. In Prokof'ev, N. I., Alekhina, L. I. (Ed.). *Drevnerusskaya pritcha*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 5–18.

Sukina, L. B. (2021). *Pozdnyaya osen' russkogo Srednevekov'ya. Ocherki kul'turnoi istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* [The Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th–17th Centuries)]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 359 p.

The article was submitted on 01.06.2022

Иллюстрации к статье:
Людмила Сукина. Осуждение алчности как «бесовского наущения»
в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени

Illustration for the article:
Liudmila Sukina. The Condemnation of Avarice as "Demonic Instigation"
in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period

1. Дьявол поучает роскошника.
Миниатюра Синодика Сольбинской
Никольской пустыни. Л. 16
The devil teaches a spendthrift. Miniature
of the Synodic of St Nicholas Monastery
of Solba. P. 16

2. Пир в доме роскошника. Миниатюра
Синодика Сольбинской Никольской
пустыни. Л. 17
A feast in a spendthrift's house. Miniature
of the Synodic of St Nicholas Monastery
of Solba. P. 17